

Провинциальный ИНТЕЛЛИГЕНТ

Л и т е р а т у р н о - п у б л и ц и с т и ч е с к а я г а з е т а , г . К о с т о м у к ш а . № 4 (4) , н о я б р ь 2 0 0 9

Газета выходит один раз в месяц. контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты, предыдущие номера газеты на сайте www.gazeta-pi.ru или в городской библиотеке г. Костомукши

Н а ш с а й т в И н т е р н е т е : www.gazeta-pi.ru

Событие

Творческое сотрудничество

Современная Литература

Если тебе есть что сказать - говори.

Слово редактора

Наше творческое сотрудничество началось еще весной, когда на портале - zлата-galerie.ru размещено было положение о конкурсе «Весеннее настроение», которое проводила ваша газета «Провинциальный Интеллигент». Приятно отметить, что призерами в вашем конкурсе стали постоянные авторы с нашего портала, а потому и возникли интересные связи и проекты между вашим изданием и авторами с нашего портала. Эти связи и отношения налаживал и поддерживал ваш технический редактор Пашков Сергей Львович, при этом он сумел организовать интересные региональные и другие проекты для вашей газеты.

Теперь нами достигнуто соглашение об открытом творческом сотрудничестве между газетами «Современная Литература» и «Провинциальный Интеллигент 1».

Достигнуто соглашение и по обмену информацией о сайтах для наших и ваших авторов.

Первые шаги к творческой интеграции уже обрели договоренности и продемонстрированы.

Для более тесного сотрудничества редакторами наших изданий было согласовано вести постоянные гостевые рубрики.

Благодарю всех авторов с нашего портала, кто завязал с газетой «ПИ1» творческие узы, кто поддержал проекты Сергея Пашкова и стал сотрудничать с этим интересным изданием. Заслуживает особого уважения, поддержка газеты петрозаводскими писателями, такими как Андреем Сунгуровым, Федором Паньшиным, Дмитрием Гордиенко, Юрием Иоффе, Игорем Монаковым, художницей и поэтессой Маргаритой Рогозик и многих других творческих людей города Петрозаводска. Поддержка из районов Республики Карелии от Ольги Бурьгиной, Татьяны Дунаф, а также финских писателей, таких как Наталья Наппу, стоит дорогого. Слов благодарности заслуживают и те костомукшские авторы, кто решил идти на новые рубежи совместно с редакторским

составом в лице Игоря Даблиева, Алексея Ильина, Анатолия Иванова и Сергея Пашкова. Это Аня Власенко, Татьяна Вьюжная, Андрей Скребцов, Галина Ершова, Аниса Терентьева, Любовь Иванова, Оля Овечкина, Валентина Кравченко и другие авторы.

Отдельные слова уважения и восхищения разработчику сайта газеты «Провинциальный Интеллигент 1», Алексею Дорофееву, который смог использовать уже новые нюансы в развитии компьютерной информатики и создать современный, но в то же время стилистически не лишенный элементов старых эпох, прекрасный по оформлению и простоте информационный ресурс.

Известные своей помощью меценаты газеты «ПИ», такие как Игнат Силкин, ООО «Костомукшстрой», а также, возможно, новые люди, которые начнут реально содействовать развитию культуры в нашем обществе и в новом уже этапе развития газеты «ПИ 1», ощутили бы для себя истинное моральное удовлетворение.

Если люди платят за антикультурное творчество, получая некое удовлетворение от страстей, то может у вас в городе найдутся лица, которые готовы финансировать и развивать искусное и моральное в своей сути творчество и тем покажут, что они думают о своей душе, а не только о материальном и аморальном удовлетворении своих желаний.

Я же, в свою очередь, желаю нашему, уже открытому творческому сотрудничеству, удачи и успехов!

Редактор газеты «Современная Литература»
Злата Рапова (г. Москва).

Ветераны

Гвардия умирает, но не сдаётся!

Да нет, дядюшка Помазок, то не я. То – французский генерал Камброн уже в тако-ом далёком июне 1815-го. Тот самый. Один из того поколения солдат, что научилось владеть саблём раньше, чем бритвой.

Если, конечно, верить седоусому отставному бригадиру, уплетающему яичницу и запивающему её вином. Старым добрым Шабли...

Нет, вот скажите мне, почему, если старый, то обязательно «добрый»?

Вот, вот...

И я о том же!

Именно мы, ветераны...

Нет, ну, а кто мы, если не? Ведь ветеран, если верить латинянам, – это старый, испытанный, опытный.

А почему не верить? Какие основания?

Да нет таких. Ребята испытанные, проверенные на прочность временем и имя им – Легион.

Госпожа зубная Паста, ну скажите своё веское слово! Вы же раньше, говорите, в аптеке какое-то время жили?..

И как там фармацевты нынче? До сих пор полатински между собой?

Спасибо, уважаемая...

Нет, дядюшка, всё-таки культура – это не только воспитуемое. Она, как стержень, ну, или вот, как у тётушки, - паста, где-то внутри должна быть. Можно сказать, от рождения. Вот, как с конвеера упал в коробочку, так и – куль-ту-ра...

Приятно же поговорить с госпожой...

Не то, что с этими пигалицами, у которых всех достоинств – нога от самой головы. И та – одна. Гонору зато... «Мы, Зу-убные Щ-щё-отки»... Фу-ты, ну-ты! Прям принцессы какие. Их Высочества. И голову в твою сторону не повернут. А уж чтобы поздороваться утром...

Я - то здесь стою... Можно сказать, - всего ничего. Ну, по сравнению с вами, дядюшка...

И то – на-смот-ре-лся... А уж вы, чувствую, на веку своём...

Вот, вот... Мои глаза – тоже бы не смотрели!

Да-аа...

Так о чём это мы?

О латинянах?

Оставили, оставили ребята о себе память...

Ведь не только фармацевты до сих пор их язык уважают.

Медики все.

Юристы.

Ну, эти так, краем, больше для выпендрёжу.

Типа - Nulla regula sine exceptione. Не бывает, якобы, правил без исключения. И стоит оно, язык ломать? Сказали бы прямо, что закон, – как тот столб. Перепрыгнуть нельзя, обойти – можно. Нет, вот обязательно - Nulla regula...

А ещё ботаники. Вон, Хозяин, так до сих пор Salix fragilis недобрым словом поминает... Иногда, так прямо с утра самого.

И чем ему верба эта дорогу перешла?

Так что и не спорьте даже, дядюшка. Ветераны мы.

Самые настоящие.

Старые, испытанные, опытные...

Ну, вы-то по возрасту и заслугам своим...

Саму сударыню Чашечку для взбивания мыльной пены помните. И Мыльный порошок?

Нет, так-то слышал, конечно. Но лично – не сподобился. Не довелось лицезреть даже. А чтобы вот так, как с вами, запросто...

Потому и говорю, вы – ветеран по заслугам своим и возрасту почтенному...

Самой-собой! Какие ещё ваши годы?..

Моложе Хозяина.

На сколько? Лет на двадцать?

С фрау Опасной бритвой – тем более! И сравнивать нельзя. Но о ней и разговору какого нет. Сколько уже она у Хозяина? А до того у Отца Хозяина? И у Отца Отца Хозяина? А тому Прусский Офицер на трофей её отдал?!

Столько не живут...

А я-то... Всё думаю, ну, что это фрау Опасная... Столько вместе с нами, а хоть бы полсловечка доброго от неё услышать, не в пример вам, дядюшка. Говорили... Говори-или как-то знающие ребята что-то об этом прусском чванстве, а теперь вот, и сам воочию... Дыма без огня, а земля – слухами, - не зря!

Так что вы, дядюшка, - самый настоящий ветеран бритвенного фронта.

Ну, и я с вами заодно. Куда же я без вас?

Это Гели и Пенки новомодные – сами с усами.

Ещё и нос задирают. Чтобы все то безобразие видели. Посмотрите, мол, какие мы!

«С усами, с усами»...

Мы ж здесь для того, чтобы брить, а они? Вот какой пример Хозяину подают? Сами не бритые!

А ведь это только начать...

Потом к усам ещё и бороду.

И что?

Назад, в средние века, что ли?

Эх, батюшку и добродетеля б нашего сюда!

Петра Алексеевича Романова, вечная ему лета и память добрая...

Нет.

Нету нынче того порядку и благолепия на лице мужском, что раньше было...

Подумать страшно, не то чтоб об этом вслух говорить. А что поделаешь, если есть оно?

Вон, с месяц тому, утром как-то, разговаривал Хозяин с Их сиятельством, благородным синьором Зеркалом, что так любит про свою родословную и венецианские корни вспоминать, да обмолвился, что нынче трёхдневная щетина в моде.

Ще-ти-на!

Куда мир катится?

Потому рано нам, ветеранам, на покой. Ра-а-ано!

Даже, если и очень хочется. И пенсион заслуженный полагается.

Если не мы, то кто?

Кто осященные временем и предками нашими традиции поддерживать будет?

Вот, японцы те же...

И микросхемы у них, и заводы мусороперерабатывающие... И автопром – не чета нашему. А о чайной традиции не забывают.

Всё чин-чинарём у них.

И чайник заварочный, и лист чайный...

Это нам они всё пакетики эти подсовывают.

Пейте, мол...

Да сами пейте! Сами-то чего?

А того, что чайная церемония, то не только напиток бодрящий в самом начале дня. Хотя, чего там скрывать, и от самого чая польза большая. Особенно, если зелёный, без сахара и заварка – не

труха или пыль какая-то.

И не просто ритуал там какой, строго определённый, церемония эта.

Глубже тут всё, дядюшка...

Гора-аздо глубже...

Философия это целая. Чтоб с утра самого силы свои все в кучку собрать, к наступающему дню во всеоружии сил духовных и телесных подготавливаться и с радостью его встречать.

С ра-дос-тью...

И всё тогда получится. Как ты ко дню этому, так и он к тебе...

И если видит он, что Хозяин – человек основательный и со всех сторон положительный, то и он к нему так же.

Основательно и положительно.

А если Гель там или Пенка эта, так какая тут основательность?

Рукой на щёки тяп-ляп, фигулиной одноразовой ш-ши-ик, водой быстренько - плюх и побежал.

И вот как смеются они над нами! Видели, дядюшка, в командировочной сумке Хозяина Станок одноразовый?.. Так ведь его так и зовут – «Шик»!

Ну, и кого тогда винить в том, что весь день, после такого, с позволения вашего, бритья, - «тяп-ляп» да наперекосяк идёт?..

Потому, рано нам ещё на покой и заслуженный отдых!

Как же мы...

Ну, может и не я лично. Не смогу я, так ведь не один, поди. Придут мне на смену братья мои родные. Или сводные. У нас же, сами знаете, какая кремовая семья многодетная.

Нет, не можем мы в такой непростой обстановке оставить Хозяина один на один с веяниями этими новомодными.

Слаб человек, слаб.

Но мы-то – рядом.

Если Хозяин наш к нам с уважением, добротой и любовью...

Как же мы к нему – по-другому? Разве можно?..

Нет, не бросим же мы его?

Как, дядюшка?..

Игорь Монаков (г. Петрозаводск)
22.08.08

Гость

Я душу в песню вложила

Сегодня у нас в гостях Фаина Вольная (г. Котка, Финляндия). Те, кто был на четвертом костомукшском поэтическом фестивале, знакомы с нашей гостьей по её ярким, запоминающимся выступлениям со своими песнями. Никого не оставили равнодушными слова, положенные на музыку и исполненные Фаиной под гитару. Сегодня мы ближе познакомим наших читателей с Фаиной Вольной.

- Фаина, когда ты впервые взяла в руки гитару?

- Это было в 1978 году, я тогда училась в 8 классе. Мой старший брат ушёл служить в армию, а его гитара осталась дома. Вот её я и начала «мучить». В «мучении» гитары появлялись песни, но не на мои слова, а на слова других поэтов. В 16 -17 лет хотелось читать стихи о любви. Я их находила и пела, чтобы выучить наизусть. В песне стихи быстрее запоминались. Потом под выученные и освоенные аккорды и перебор начала сочинять свои песни. Но их было мало. Потом был очень большой перерыв, и до 1992 года я не играла и не сочиняла – было много бытовых проблем, квартирные вопросы, маленькие дети, семья и т.д., и т.п.

- Как жизнь в Финляндии повлияла на твоё творчество?

-В Финляндии я живу уже 17 лет. Вдали от родных и близких людей, привычных традиций, а главное РОДНОГО языка, обострились чувства, стали накапливаться переживания, и это нашло выход в моих песнях. В первый альбом «Точка опоры», изданный в 2004 году, вошли песни, написанные в 1992-2004 г.г. Это был период «лишения» и трудностей адаптации в чужой стране.

- Фаина, ты начинала петь песни для родных и знакомых, но теперь уже у тебя вышло 3 CD диска и в феврале следующего года планируется твой сольный концерт. Расскажи о том, как твоё творчество вышло за рамки тесного круга друзей.

- Я пела свои песни в небольших компаниях знакомых людей, некоторых «прошибало», в глазах стояли слёзы. Например, песня «Бабушка». Я посвятила её своей бабушке - Лебедевой Александре Дмитриевне, а через некоторое время, после нескольких исполнений, поняла, что написана она для всех бабушек. Был период, длился он два года, когда я считала, что не имею права затрагивать души людей своими песнями. Я не пела и не писала песен. Вернуться к своему увлечению и творчеству мне помогло приглашение выступить на детском празднике. За ним последовало следующее, потом ещё. Так я стала выступать на сцене, потом «подружилась» с микрофоном. О собственном CD я не думала и не мечтала, пока мне не задали вопрос: «А где можно купить ваши диски?» Тогда я

поняла: есть спрос на мои песни, и я должна поделиться ими с людьми. Так, параллельно с изданием моей книжки-сказки «Чудо-ягода черника», в 2004 году вышел первый диск «Точка опоры». Конечно, без помощи моих соратников (Сунгурова А., Анухина А., Трофимова С. и других) мне было бы трудно это сделать. Но их поддержка и опыт послужили мне опорой в новом для меня деле.

- Я знаю, что творчество привело тебя и к общественной деятельности. С чего это началось?

- После того, как вышла в свет моя маленькая книжечка-сказка, у меня появилась возможность работать по ней, а именно: организовать летний отдых для слабовидящих детей, а также использовать её как учебный материал для изучения финского и русского языков. После появления этой книги я загорелась желанием сделать ещё одну со своими стихами и рассказами. Сейчас я накапливаю для неё материал. Пишу рассказы, были-небылицы, стихи. А вернее будет слово - ЗАПИСЫВАЮ. Я знаю, что мои работы: песни, картины, рассказы, стихи - не профессиональны, но в них я вкладываю свою душу, и, может быть, поэтому они нравятся людям.

- Я был приятно удивлен, когда ты прислала мне через интернет свой рисунок. При наших беседах во время поэтического фестиваля ты не упоминала об этом, и у меня сложилось мнение, что бардовская песня - это основной способ твоего самовыражения.

- Да, именно песня наиболее помогает мне донести до людей свои мысли и чувства. Но ещё учась в школе, я любила рисовать, мне нравилось смешивать краски, добиваться определённого цвета, это занятие увлекало. Помню себя в дошкольном возрасте с цветными карандашами в руках. На листе можно было фантазировать, там не было ограничений. Хочешь – зимой появятся яркие цветы на лугу, хочешь - будет любимая собачка или кошка! Вообще: что нам стоит дом построить? Нарисуем-будем жить. Так я мечтала и воплощала мечты на листе. Если полистать мои ученические тетради, то там на полях можно найти целые нарисованные истории. Значит, рисовала я всегда, но вот серьёзнее отнеслась к своему увлечению весной 2008 года. И способствовало этому организация художественной студии в г. Котка. Я познакомилась с Нелли Лопатиной – художником из С.Петербурга. Мы открыли изостудию и за несколько занятий я осознала в себе эти способности. Через полгода состоялась выставка моих картин, сделанных собственной техникой. Сейчас я рисую так же, как и в пятилетнем возрасте, т.е. в полёте, но делаю это осознанно.

Мы закончим нашу беседу словами из песни, написанной Фаиной Вольной : «Я от песен, стихов и картин научилась по-новому жить» и пожелаем ей дальнейших творческих успехов.

Беседовал Ильин Алексей

Фаина Вольная

Другая тебе не скажет

Другая тебе не скажет,
А, может быть, скажет не так.
И для кого-то, быть может,
Это сущий пустяк.
А я, вот уже больше года,
В мыслях с тобой живу
И за окно в непогоду
Очень часто смотрю.
Смотрю, как стекают капли
Струйками по стеклу.
Как летают снежинки,
И снег лежит на лугу.
Как распускаются почки,
Потом зацветают цветы.
И только ты не приходишь.
А в сердце моём только ты.
И что с этим делать, не знаю.
Наверное, просто жить,
Любовь собой излучая,
И радость людям дарить!

Я пела тебе красиво

(слова новой песни)

Я пела тебе красиво.
Я пела тебе, стараясь.
Я душу в песню вложила,
К душе твоей пробираясь.
Хочу быть тебе наградой
За долгое наше терпенье.
И мне другого не надо,
Хочу быть твоим утешеньем.
Тебе так другая не скажет
И даже не сможет так думать:
«Ты послан был господом
Богом?!»
А, может быть, мною придуман?!
С тобой мне легко и просто.
Бывает невыносимо.
Хочу быть твоей любимой,
Единственной, неповторимой.
Я пела тебе так красиво.
Я петь тебе так старалась.
Я душу в песню вложила,
И с песней душа осталась.

Друзья

Анна Григо
Финляндия, г. Котки

Берёза

Стоит кудрявая берёза,
И нет к ней дела никому.
А сколько грусти и тревоги
Она извела в войну!

Когда огнём запылала
Огромная моя страна,
Своей листвою прикрывала
Советских воинов она.

Тянула к ним свои ладони,
Их провожая в дальний путь.
Спасала наших от погони,
Чужим же преграждала путь.

Целебным соком напоила
С войны вернувшихся солдат.
И втихомолку погрузила
О не вернувшихся назад.

Стоит кудрявая берёза.
Растёт так, как ей и должно,
Но грусть и боль её, и слёзы
Понять не каждому дано.

Прошу вас, люди,
присмотритесь
К ней, взросшей
прямо у дороги.
И хоть на миг остановитесь,
Деля с ней грусти и тревоги.

Ручки-закорючки

Тверскому Михаилу Давыдовичу

Жили были ручки.
Ручки – закорючки.
Что они ни брали,
То они ломали.
Горевали мама с папой-
Ручкины родители.
Говорили: эти лапы,
Не ручки, а вредители!
Но годы шли,
И ручки вдруг
Стали парой взрослых рук.
А хозяин этих рук
Был известный врач-хирург.
Самых сложных операций
Эти руки не боятся.
Стали для науки
золотыми руки.

*Александр Власов – Художник
г. Нижний Новгород*

Этимология названия

По одной из версий, название города происходит от слов «хоф яфе» — «красивый берег» (ивр). Другая версия — происхождение от корня «Хапа» - «укрывать» (ивр), так как гора Кармель служит Хайфе естественным укрытием. По ещё одной версии — это название произошло от ранее распространённого в этом районе арамейского языка, на котором слово «Хаффа» обозначает просто «Берег».

Город Хайфа основан в римскую эпоху. Во времена Талмуда (V—III вв. до н. э.) на месте Хайфы существовало процветающее еврейское поселение. Во времена крестоносцев (XI в.) она была довольно крупным по тем временам населённым пунктом и значительным среди-

земноморским портом. На горе Кармель базировался орден госпитальеров-кармелитов.

С конца 1880-х гг. Хайфа становится крупным портовым городом — главными морскими воротами Палестины. В 1930-е гг. Хайфа являлась центром нелегальной иммиграции в Эрец Исраэль. Большинство нелегальных репатриантов-евреев, в том числе беженцев из нацистской Германии, прибывали в Палестину через хайфский порт. К 1944 году евреи составляли большинство населения Хайфы, составлявшего на тот момент 128 тысяч человек. Хайфа имеет особое топографическое строение. Нижний город и порт представляют собой деловой и офисный центр. Средняя часть города — Адар ха-Кармель — является торговым районом Хайфы. На вершинах горы Кармель расположены центры развлечений и покупок, а также престижные жилые районы и гостиницы. Приморская полоса включает в себя самый большой порт Израиля и пляжи.

МАРК ЛУЦКИЙ

По профессии химик, кандидат наук, автор свыше 200 научных трудов и изобретений в области физико-химии и технологии полимеров. Автор 28 художественных книг, многочисленных публикаций в периодических изданиях Австралии, Австрии, Армении, Германии, Израиля, России, США, Франции. Неоднократный лауреат, призер и номинант поэтических конкурсов в Вене, Дюссельдорфе, Екатеринбурге, Иерусалиме, Лос-Анджелесе, Москве, Нижнем Новгороде, Нью-Йорке, Сиднее, Хайфе, Штутгарте, а также в Интернете на сайтах «Поэзия.ру», «Что хочет автор», «Светки дома нет», «Весна поэтов», «Планета писателей» и др. Дважды «Золотой лауреат» Международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси - 2008» (в номинациях «Поэзия» и «Экология») Удостоен звания «Мистер пародия 2008». Имя Марка Луцкого присвоено одной из звезд в созвездии «Близнецы». Член Редколлегии Международного ежегодника «День поэзии. Израиль 200...» Член Союза российских писателей, Союза русскоязычных писателей Израиля, Союза писателей Северной Америки, Международного Союза писателей «Новый современник».

Моё первое утро в Хайфе

Не нужны ни берет, ни пальто,
Нет зимы. Перемена в природе.
Шумновата дорога, зато
Наши окна на море выходят.

За спиною - Кармеля гряда,
Ощушаю истории близость.
Прямо - пальмы в четыре ряда,
Может, это мне просто
приснилось?

Я в Леванта делах не знаток,
Есть лишь опыт
Эвксинского Понта...¹
Яхты крохотный белый платок
Осторожно махнул с горизонта.

Пред глазами - рыбачий баркас
И зеленые яркие сети.
Что ж, понятно -
предутренний час,
Рыбу лучше ловить на рассвете.

Древний камень ласкает волна,
Крики чаек в лазурном просторе.
...Три часа я стою у окна,
Сторожу Средиземное море.

На лавочках Хайфы

На лавочках Хайфы —
заморское слово,
Какое, представьте, созвездие встреч!
Из Минска, из Киева, из Кишинёва
Услышишь славянско-еврейскую речь.

Как будто из фильма, на белом экране,
Что вновь сотворил
нам киношник-мастак,
Москва, Ленинград,
из Баку горожане,
А вот из Тбилиси старик Исаак.

Сидят старики из Уфы и Ташкента,
Из Риги, из Вильнюса, Алма-Аты
И машут руками, ища аргументы,
И всё не находят согласия мосты.

Здесь столько проектов,
пустых и бесплодных,
Довольно комичный и благостный вид.
«Союз нерушимый
республик свободных»
На лавочках Хайфы привольно сидит.

Хайфский рынок

О рынок, что взвалил на плечи
И обеспечил снеди кров!
Какое множество наречий,
Какое пиршество плодов!

Вот персик с щёчкой серебристой,
Вот кактус - как его едят?
Вот гладкий фрукт,
а вот — ребристый,
Красуясь, вышли на парад.

Торговый путь цветист и гибок.
Да, ты щедра, природа-мать,

А разноцветие оливок,
Ей-богу, трудно описать!

Морские рыбины, моллюски
И бочки дыбятся горой.
И мне кричит араб по-русски:
- Купить картошка маладой!

Ашкелонская встреча

В декабре пустынные пляжи
Даже в жарком Ашкелоне.
На поверженном баркасе
Мы сидели — я и сын.
«Морж», видать,
с российским стажем,
В синей кепке фирмы «Сони»
Плавал в море на матрасе
Надувном. Он был один.

Было тихо и покойно,
Солнце грело, но не шибко,
Как в апреле на Урале,
Все понятно — не сезон.
В древний берег плещут волны,
Вдруг блеснет на солнце рыбка
И уйдет в морские дали.
У природы — свой закон.

Не заметили вначале,
Как, откуда он явился,
Только вот — сидит здесь, рядом
И в глазах его вопрос.
Да, глаза его алкали...
Видно, здесь он и родился
Между яхтой и причалом,
Ашкелонский рыжий пес.
Он пропах портовым духом,
Знает он, чем море дышит
На восходе и закате.
Досконально знает пляж.
Почесал его за ухом,
Пес придвинулся поближе
Я сказал ему: «Приятель,
Дай-ка лапу! Ну, уважь!»

Пес прислушался прилежно,
Заработала с нагрузкой
Мысль собачья. Озабочен.
Мол, о чем он говорит? -
Сын взглянул на нас с усмешкой.
Но — внимателен, как летчик,
Пес сидит, наставив уши,
Бьет хвостом в баркаса днище
И с меня не сводит взгляд.
Нам с ним нужен переводчик,
Сын сказал ему: «Послушай,
Извини его, дружище,
Папа просит: «Тави яд!»²
Я казнил себя жестоко:

- Ну и что ж, что я — советский,
И не знал другого крова,
В паруса чужие дул...
Но — велик язык Пророков,
Знаменит язык библейский —
Пес все понял с полуслова,
Сходу лапу протянул.
Чайки тешились в просторе,
И крутился у причала
Ашкелонский пес поджарый,
Жадно съевший пару пит³,
И глядели в сине море
Бравый сын — сержант Цахала⁴,
Я — еврей седой и старый,
Не освоивший иврит...

Я столько раз бывал за рубежом

Я столько раз бывал за рубежом,
Что страны и не вспомню поименно,
Я видел знаменитый мост Патона,
Простерший крылья
над седым Днепром.

Я посетил немало дальних мест,
Желанье странствий —
это в нашем вкусе.
Вот маленький отважный город Брест
В лесной многострадальной Беларуси.

Да разве все уместится в строку?..
Воспоминаний томная нирвана:
Здесь розовые камни Еревана,
Фуникулер в сиреневом Баку.

Тбилиси оживает в унисон,
Шумит Кура, ее внизу не видно,
Приняв на плечи старый Пантеон,
На город смотрит древняя Мтацминда.

И Азия была в моей судьбе,
Где шашлыки и поутру похмелье,
Угрюмое Варзобское ущелье,
В халатах пестрых яркий Душанбе.

Какой клубок далеких кинолент,
И каждая из них — для песни стимул.
Встает в воспоминаниях Ташкент,
Алайский рынок сеть свою раскинул.

Ах, как воспоминание свежо,
Как будто смотришь
старый телевизор...
Совсем не зная, что такое виза,
Я столько раз бывал за рубежом!

1 - Понт Эвксинский - древнегреческое название Черного моря.
2 - «Тави яд» - (иврит) «Дай лапу!»
3 - Пита - (арабск.) лепешка
4 - Цахал - (иврит, аббревиатура) Армия Обороны Израиля

Марк Луцкий

Царь Соломон
(французская баллада)

Уж сорок лет ему подвластен трон —
Двенадцать львов, кругом сплошное
злато.

Он всемогущ, мудрейший Соломон,
Недаром говорят: «Ума палата!»
И государство землями богато,
А властелин — писатель и поэт,
Но в жизни все забвением чревато,
И что в итоге? Суета сует...

Да, есть гарем из многих сотен жен,
Есть сыновья и дочери, внучата,
И в личной жизни явно счастлив он,
Всё хорошо — с восхода до заката.
Давно привычна слава дипломата,
Ему внимает зарубежный свет.
Но всё обычно требует оплаты,
И что в итоге? Суета сует...

А был всю жизнь почетом окружен,
Хоть и бывало часто трудноvalo.
Вошел навеки в славный пантеон
Он на правах царя-лауреата.
Но к старости вдруг смотрит виновато,
Любой успех — источник новых бед,
Порой не достигаешь результата,
И что в итоге? Суета сует...

Царь Соломон! Твое правленье свято,
Любого дела ты познал секрет.
Но жизнь, давно известно, полосата,
И что в итоге? Суета сует...

Библейских книг крылатые слова

Ах, как же их старались запретить,
Те книги, уничтожить с ними встречи!
Но продолжалась красноречья нить,
И библеизмы жили в нашей речи!

Язык хранил знакомые слова:
«От сотворенья мира», «от Адама»,
«От дерева познания»... Голова
Полна цитат от «хаоса» до «Храма».

Пусть не всегда уютным был удел,
И не было пути с «небесной манной»,
Но совмещать слова язык умел
С мечтою о «Земле Обетованной».

Порой мешала «суета сует»,
Что «тьмой кромешной»
высилась над нами,
Но были живы «заповедь», «завет»,
И крепок был «краеугольный камень».

Слова привычно улетают с губ,
С времен далеких ярки и поныне -
И грозный рык «иерихонских труб»,
И голос «вопиющего в пустыне».

Давным-давно понятен их язык,
Но с каждым веком - чем древней,
тем краше,
Крылатые слова библейских книг,
«Всевидящее око» жизни нашей.

На пляже Бат-яма

Июльское солнце в зените,
Полощется в волнах причал.
- А туча с грозою! Смотрите!
Мальчишка по-русски кричал.
«Пророку» в ответ протянули:
- Такого ты здесь не найдёшь,
Дождя не бывает в июле,
Пусть даже на шекель, на грош.

Но тучка, видать, баловница,
Решив разукрасить досуг,
Взмахнула короткой десницей,
И блёстки посыпались вдруг.

Короткие строчки косые
Летели, по пальмам гвоздя.
Наверно, послала Россия
Израилю горстку дождя.

Тамара Ростовская

Родилась в Каунасе. Во время войны почти три года провела в каунасском гетто, где вела дневник, который впоследствии под названием «Тетрадь из сожженного гетто» был издан на трёх языках — иврите, русском и литовском. Окончила химический факультет Вильнюсского университета. Работала в разных заводских лабораториях инженером-химиком.

С 1971 года живет в Израиле. Печаталась в различных периодических изданиях и Интернете. Лауреат и призер ряда сетевых конкурсов.

Автор четырех книг стихов.
Член Международного Союза писателей
«Новый современник».

Песня о Хайфе

В мире нет прекрасней места
И синей небес,
Хайфа — город, как невеста,
Краше всех невест.

Он белеет так знакомо
На горе Кармель,
Ты всегда здесь будешь дома-
В Эрец—Исраэль.

Змейкой он ползет по склонам,
По горе Кармель,
И в садах его зеленых
Слышится свирель.

И ласкает взор усталый
Голубой залив,
И играет ветер шалый
Кронами олив.

Золотится храм Бахайский,
Сладко спит павлин,
Пролетает небом хайфским
Журавлиный клин.

Синагоги и церквушки,
Финики, инжир,
И гремит, как погремущка,
Акварельный мир.

В мире нет прекрасней места
И синей небес,
Хайфа — город, как невеста,
Краше всех невест.

Припев:
Сверкает море как кристалл,
Меняя краски.
Дома белеют среди скал
В весенней пляске.

Вальсок

Приходите на Дадон¹ в субботу.
Там, где вылит асфальт на песок,
Позабыв о делах и заботах,
Мы станцуем веселый вальсок.

Здесь в почете народные танцы,
Их танцуют и с парой, и без:
Доктора, продавцы, новобранцы —
Звуки музыки аж до небес.!

Тощий, толстый, седой или юный -
Все сливаются в ритме одном,
Улыбаются волны и дюны,
И медузы с разинутым ртом.

И такая на сердце отрада,
И хочу обратиться я к вам:
Приходите в субботу на Дадон,
И пляшите назло всем врагам!

1 - Дадон — название пляжа

* * *

В городе южном, красавице Хайфе,
Зиму встречаю у моря я в кайфе.
Алые розы и чайные розы,
Скромно цветут у дороги мимозы.
Белые бабочки, словно снежинки,
С ветром играют в нежном поединке.
Белые чайки на море, как льдинки,
Дай-ка, плесну полстаканчика синьки
Синее небо, как тени от снега,
Белое облако — снега на небе.

Хайфа моя

Птицею белою Хайфа парит.
Берег суровый укутан в гранит.
Статная пальма, как страж молодой,
Гордо взвилась над морской водой.

Хайфу, как дочь, обнимает Кармель,
Вьется веселых ветвей карусель,
Сочною зеленью дышат леса,
Ветры колышат домов паруса.

Здесь мы, изгой, свой дом обрели,
Нету на свете роднее земли.
Града прекрасней не ведаю я —
Хайфа любимая, Хайфа моя!

Хайфе

Ах, если б мне хватило дара
Мой город песнею воспеть -
Палитра старого Адара
И храма золото, и медь
Слились навеки воедино.
И волн суровых карусель,
Ветрами жаркими гонима,
Грызет стопу твою, Кармель,
Уж много лет неутомимо.
Гора и море! Берег ржавый,
Строений белых паруса —
Ты око крошечной державы,
Моя ты гордость и краса.

Весенняя Хайфа

Мой город, умытый от гари,
Блестел, как младенец в купели,
Анютины глазки моргали,
Встречая меня на Кармеле.

И кедры кивали, как парни,
Любуясь на пихту — невесту,
Желтея от ревности, пальмы
Роняли слезу по соседству.

Ручьев устремились потоки,
Как будто взорвались на минах,
И грозно трещали сороки,
Беду накликая в низинах.

И в праздничный день «Ту би Швата»
Миндаль расцветает под «снегом»,
И падает с веточек вата,
Кружась меж землею и небом.

Но весны уходят и зимы...
Года мои канули в Лету.
Прозрачные тени незримо
Скользят в зеркалах на рассвете.

Я последний поэт катастрофы

Я последний поэт Катастрофы.
Уничтожить пытались меня!
И в ночи и среди белого дня
Кровью сердца пишу эти строфы.

Я последний поэт эпопее...
Ты не можешь весь ужас понять,
Не носивший позора печать,
Не расстрелянный
в братской траншее.

Я последний поэт Катастрофы,
Мне страдать до скончания дней,
Я воскресла из пепла. И строфы
Моим внукам расскажут о ней.

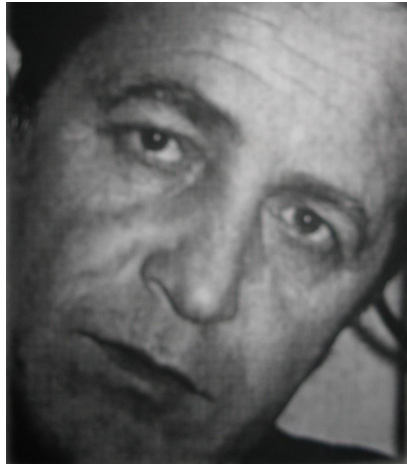
Осколок Освенцизма

*Посвящается дню освобождения
узников концлагерей*

Отшумела давно Мировая,
Но в Освенциме пахнет золой.
Я вернулась из ада... Живая!
Избежала я участи злой.

При последней воздушной атаке
Меня ранил осколок слепой.
Я валялась в холодном бараке,
И отважно боролась с бедой...

Уж полвека, как память ночами
Мою душу и колет, и жжет.
И осколок болезненным шрамом
В старом сердце упрямо живет.

Эдуард Фишер

Родился в 1931 году в г. Томашполе Винницкой области. В 1941 году, во время войны, под Москвой чудом избежал расстрела от рук полиции на оккупированной территории.

Окончил филологический факультет Львовского университета по специальности «Русский язык и литература». Автор многих книг прозы и поэзии, опубликованных в Украине и Израиле. Дважды лауреат поэтических конкурсов «Пушкинская лира» в Нью-Йорке. Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

* * *

Пойдем, погуляем у моря.
Как дома ходили в луга —
За речку. До синего взгорья,
Где цветь залила берега.

Под пальмой высокой, могучей,
Похожей на нашу сосну,
Присядем на каменной круче,
Что грудью встречает волну.

Быть может, в кипящем прибое
Услышим друзей голоса.
Увидим за пенной грядой
Летающие к ним паруса.

И сравнивать земли не будем —
Где дом,
Где шатёр,
Где изба ...
Всевышний дал Родину людям —
Нам две подарила судьба!

* * *

Когда я слышу песню «Журавли»,
Наполненную вечною печалью,
Мне видится поблекший шар Земли,
Плывущий журавлиной синей далью.

Занять он хочет место в том строю.
Не отстает от стаи журавлиной —
В нем столько душ, загубленных в бою,
И не в бою загубленных — безвинных.
Что никогда не сможет он догнать,
Плывущий в небе,
птичий клин усталый.
Не для него покой и благодать!
Не для него тот промежуток малый ...

г. Хайфа

На улице Хайфы

Жаром исходит
земля загорелая —
Не обращает
внимания люд:
Девочка чёрная,
девочка белая
Рядом, в обнимку,
По Хайфе идут.

Сизость на улицах —
Завязь моторная.
Улица Герцля —
Главный маршрут.
Девочка белая,
Девочка черная
Рядом, в обнимку,
По Хайфе идут.

Жизнь на Востоке
Зияет пробелами.
Всё же приятно,
Что именно тут —
Девочка черная,
Девочка белая
Рядом, в обнимку,
По Хайфе идут.

Бревно

Бревно прибило к берегу.
Откуда здесь бревно?
Здесь поклоненье дереву,
А леса нет давно.

Сосенки низкорослые,
Слоновьи ноги пальм.
Невымытая росами
Просушенная даль.

Откуда же здесь дерево
На хайфском берегу?
С Востока или Севера? —
Представить не могу!

Морями и проливами
Попутный ветер нес?
А нашими оливами
Не грузят лесовоз!

Прибой, как кошка
с мышкою,
Громадою играл.
Кору долыса выскоблил
Морской тяжелый вал.

И вдруг, всмотревшись
пристальней —
Обман ли? Не — обман?
Читаю — наше близкое?
«Маруся + Иван».

Саженец

Малыш сажал оливку под окном —
Малюсенькую, как ладонь ребёнка.
Три листика на стебельке кривом
И корешок, как хвостик у мышонка.

Дал саженец ему сосед-араб —
Любитель всевозможных насаждений.
Еврейский мальчик был чрезмерно
рад!
Здесь обошлось без догм и убеждений.
И лунку в грунте выдолбил сосед.
И объяснил мальцу неторопливо,
Как поливать. И сколько надо лет,
Чтоб вырос плод на дереве оливы.

Судить, что будет дальше — не могу:
Оливка подрастет и мальчик - тоже.
И на каком кто будет берегу
В тумане лет увидеть невозможно.

Но я хочу, мечтаю об одном,
Чтоб бурю не накликать буревестник,
Чтобы плоды оливки под окном
Евреи и арабы ели вместе ...

Хайфа днём

На улицах людно,
Играют витрины.
Потеет асфальт от жары.
Автобусы мчатся,
Лихачат машины,
Взбивая, как тесто, пары.

А люди под стены,
Под кроны, где тени,
Как к другу любимому, льнут.
И если на гору уведят ступени —
Пройдут, как памирский маршрут.

И в жарком безводье,
К воде припадая,
Как радуга, светится мол.
В прибое, как будто
С котенком играя,
Полощется Хайфы подол.

И краны в порту,
Будто шеи жирафов,
Качаются взад и вперед.
И, кажется, в море красавица —
Хайфа
Вот-вот, как фрегат уплывет.

Березовый сок

В стеклянной банке сок березовый
Купил я в хайфском магазине.
И выплыл сумрак тихий, розовый,
И березняк в речной низине.

Мы пили сок — тягучий, приторный,
Губами к срезам припадая,
Мы пили каплями — не литрами,
Но был хмельным сам воздух мая.

Сок капал крохотными дозами,
Но твердь качалась под ногами.
Наверно, просто сок березовый
Мы часто путали с губами ...

А где-то он и ныне капает.
И кто-то пьет его, хмелея.
И ели голубыми лапами
Скрывают чары Чудодоя!

В стеклянной банке сок березовый,
Как давний дар лесной пророчицы.
Он стал обычной жидкой прозою —
Любимой нет —
И пить не хочется ...

Иерусалим

Я в Лондоне не был,
Я не был в Париже,
И в сотнях других городов,
И знаю:
Уже никогда не увижу
Ни южных,
Ни северных льдов.

По белому свету совсем не бродяжил,
Как тощий седой пилигрим!
Но вот он —
Прекрасный —
Распахнутый настежь —
Великий Иерусалим!

Кто может сравниться!
Что может сравниться!
Сравнимо ли — Божество?!
Любой полустанок!
Любая столица —
Лишь только осколок его!

Михаил Лезенский

Жизнь пройти - не поле перейти

В жизни Павла Паклина было три Ирины:
первая жена Ирина, - мир праху её! — умерла
лет двадцать тому назад, и сегодняшняя жена -
Ирина. Не выбирал, так получилось .

Но первой Ириной была любовница - и
Пашке Паклину, и Иринushке-первой было по
шестнадцать лет - слово любовница было им
незнакомо.

Иринushка-первая была заключённой,
зэчкой. На зоне и познакомился с ней Пашка.

Нет, нет, заключённым он не был, был
вольнонаёмным электриком в Лесном отделе
Сегежского бумкомбината, что в Карелии.

Судили её открытым городским Народ-
ным судом города Сегежи за моток ниток,
который она пыталась вынести с комбината, -
этим нитками сшивали бумажные мешки.

В Сегежу Иринushка приехала по вербов-
ке из какой-то украинской деревни, но Павел
Паклин, рассказывая мне историю своей жи-
зни, не помнил, из какой.

За такие дела давали - мелкая кража - по
шесть лет , показательный процесс тянул на
десять. Красный червонец ей и вlepили.

Впервые Пашка видел, чтобы так в исте-
рике билась девушка, конвой буквально нёс её
на руках. Впрочем, плакал весь цех, где проис-
ходило судилище. Даже мужчины - мастеровой
люд. «И надо было именно ей попасться!»

Нитки воровали все . Это даже за воров-
ство не считали. Всегда оставались излишки
от пошива крафт-мешков.

Но время от времени на проходной устраи-
вали грандиозный шмон, который длился
всего несколько часов. Этих часов хватало для
прихватки нескольких человек и для предупре-
ждения всех работающих на комбинате.

Воровали не только нитки, воровали всё ,
что плохо лежит .И даже то, что хорошо лежит,
но не все попадались.

Встречались Пашка с Иришкой почти ре-
гулярно. Но встречи были короткими. Лесной
Отдел — это огромный участок, куда бригадами
приводили заключённых, мужчин и женщин,
заполняя ими все производственные места. Ра-
бочее место Иринushки - барабаны. Огромные
железные барабаны! В барабаны, посредством
нехитрых манипуляций, закладывали распи-
ленные брёвна, барабаны крутились, сдирая с
них кору-кожу.

Кора, естественно , вылетала наружу и
Иришке приходилось её убирать подальше от
барабанов - тяжёлая и нудная работа. И при-
том, неблагодарная. Потому что всё свободное
земельное пространство было на два-три ме-
тра засыпано этой корой, и эти Авгиевы ко-
нюшни не под силу убрать никакому Гераклу.
Но в этом было и Иришкино спасение — невоз-
можно проверить норму выработки.

Тут же, на рабочем месте Пашка и ми-
ловался с Иринкой, угощая её конфетами,
которые покупал в буфете для вольняшек на
экономленный полтинник, который мать вы-
деляла Пашке для обеда.

Иногда Пашка из дому приносил что-
либо из более существенного, чем конфета:
котлету или кусок жареной рыбы и голодными,
но влюблёнными глазами украдкой следил, как
жадно поедает снедь девушка.

Но ещё более существенное пиршество
случалось, когда им с товарищем удавалось
стибрить плитку мыла. Мыло выпускал хими-
ческий цех плитками по пятьдесят-семьдесят
килограммов. Мыло было чёрное, но мыльное
и его раскупали охотно.

Товарищ Пашкин, бывший сын полка,
демобилизированный в никуда, устроился в хи-
мехе и понемножку подворовывал на прокорм.

Огромной тяжести мыльную плиту ре-
бят резали на килограммовые куски и прода-
вали в Медвежке — Медвежьгорске на привок-
зальном рынке, в Сегеже их бы сразу засекали.

В такие дни «сказочно богатый» Пашка
устраивал для своей принцессы Лукуллов пир.

В такие дни она была особенно ласкова
с ним. И, когда он забывался , она стискивала
ноги и шептала:

- Только не туда, Пашенька... Забереме-
нею - засмеют же...

На черной коре оставалась белая слизь
несостоявшихся жизней, - Паша берёг свою
первую любовь, свою первую женщину.

О будущем разговоров не было, будущее
было в тумане, ещё девять лет корячиться Ири-
не, а за долгих девять лет девять рек иссохнуть
могут. Да и Пашкина мать, которую все назы-
вали Патылиха, была против, хотя сама была
из бывших зэчек, - в этом городке Сегежа в

основном кучковались из бывших или настоя-
щих.

Неожиданно для большинства, для ка-
кого там к чёрту большинства, для некоторых
вышел Указ, и всех, наживших детей на зоне ,
выпустили на свободу.

Всколыхнулись зэчки, выискивая себе
любowników.

«НА СВОБОДУ С ЧИСТОЙ СОВЕ-
СТЬЮ И С РЕБЁНКОМ »

И посиделки-полежалки с Иришкой для
Павла приобрели смысл . Она уже не просила
«Пашенька... Не туда». И быстро заберемене-
ла.

- Как освободишься — сразу ко мне. Адрес
не забыла?

- Как же, помню, улица Сталина, дом ...

Беременности было уже месяца три, но
живота никто не замечал, но для Павла зэков-
ское начальство, само того не зная, готовило
сюрприз: намечался большой этап в Надвои-
цы, и Ирину включили в него. Надвоицы - это
совсем рядом с Сегежой, но для Павла - край
света...

Изредка на улицу Сталина приходили пи-
сульки, в которых было много слов о любви,
мечтательных слов о жизни семейной. Пашки-
на мать давно была в курсе сыновних дел и,
глядя на своего ненормального влюблённого
сына, потихоньку готовила распашонки да пе-
лёнки . Всё складывалось, как будто хорошо,
но жизнь - подлюка не одну подлянку при-
пасла для человека. Жизнь не может смотреть,
когда человеку хорошо — для каждого по па-
кости припасено. В последнем иришкином
письме, написанном химическим карандашом,
и оттого письмо это в сплошных подтёках из
Ириных слёз, Ирину снова готовили к этапу. И
направлялся тот этап, по слухам, в Сибирь, в
Красноярский край. Это на шестом месяце бе-
ременности.

А потом пришла посылка на улицу Ста-
лина.

Пашка был на работе и за посылку распи-
салась Патылиха. Она долго чесала затылок,
- не за эту ли привычку её окрестили Патыли-
хой? — Пашке же предназначалась посылка, а
потом, махнув рукой и оставив в покое заты-
лок, воскликнула:

- Семейная цензура не в счёт! — и поло-
нула кухонным ножом по бечёвкам.

В посылке находилась стопка пелёнок,
рубаха для Павла и халат для Патылихи.

На дне посылки — письмо:

«Здравствуй, Паша! Сообщаю тебе, что
твоя жена Ирина Ивановна Снегирева погиб-
ла...»

Патылиха вначале ничего не сообразила:
какая Снегирёва? Какая Ирина Ивановна?

«... пилили лес и на неё упал сруб ...
трёхмесячную дочку , так как вы не расписа-
ны, отправили в детский дом »

«Павлу ничего не скажу . Не жена она
ему...»

И молчала Патылиха много-много лет,
пока отошло-зажило у Павла, и под венец он
повёл новую Ирину.

Но недаром говорят, жизнь прожить — не
поле перейти. Павел насторожился, когда Па-
тылиха сообщила ему о ребёнке, который был в
трёхмесячном возрасте отправлен в детдом. И,
хотя к тому времени у него была собственная
дочь переломного возраста, почти невестушка,
он стал искать свою маленькую «Иришку», - а
годами она была намного старше своей закон-
ной дочери, в его глазах она была ещё ребёнок.
И это стало навязчивой идеей.

Но найти «кроху», затерянную в про-
странствах России, где детдомов было, как
грибов в лесу, когда не существовало интерне-
та — этого великого монстра - было почти не-
возможно.

Но Павел продолжал писать письма всё
в новые и новые детские дома, забыв, что его
маленькая «Иришечка» уже в тех годах, когда
женщины выходят на пенсию, и что у неё мо-
гут быть собственные дети, а то и внуки.

Да и Павел, уже со второй Ириной давно
покинул Сегежу и жил в городе в прекрасном
южном городе.

Мать... Ну та, которая Патылиха, дожда-
лась внуков от Пашкиной дочки и тихо-тихо
умерла.

Но перед смертью она сообщила Павлу
печальную тайную весть: его «Иришечка»,
которую он искал десятки лет, в возрасте пяти
месяцев, умерла от воспаления лёгких - так со-
общили из одного детдома. - Сообщение она
скрыла от Пашки.

Павел Николаевич ненадолго пережил
эту весть.

На памятнике - лаконичная надпись: «ОТ
ИРИН». Было Павлу Николаевичу Паклину,
если считать по датам, далеко за семьдесят.

О себе Михаил Лезинский пишет так:

Родился я 5-го апреля 1931 года в Одессе. Но этот черноморский город был только фактом моего рождения. Половину жизни (меньшую, но достаточно длинную!) — с 1934 по 1954 годы — я прожил с родителями в Карелии, куда судьба эзковская забросила моего отца. «С родителями» — слишком громко сказано: в 1941 году отец ушёл добровольцем на фронт и в 1942 году погиб под Смоленском, обманув тем самым Всесоюзного старосту Михаила Ивановича Калинина. Михаил Ваныч начертал на его послании в Кремль: «Досидит после победы над фашизмом!» Досиживать не пришлось...» Потом долгие годы писатель прожил в Севастополе. С 1996 года живет в Израиле. Он — автор 40 книг. Обладатель ряда литературных премий, лауреат и призер многих конкурсов в Интернете. Член нескольких писательских союзов: Союза русских, украинских и белорусских писателей, Союза писателей Крыма, Союза русскоязычных писателей Израиля, Международного сообщества писательских союзов, Международного союза писателей «Новый Современник»

Пролетая над гнездом кукушки

Удивительная все-таки страна — Израиль! Солнечно-бойлерная Страна! Где ангину лечат мороженым. Где шомеры, метапели и никай-онщики — люди с метлой и половой тряпкой! — как правило, с высшим образованием! Где... Где еще много разных «где»!

Дурдом какой-то!

А тут еще — заголовок в одной из газет: «СВОБОДУ ДЕЛЬФИНАМ ИЗРАИЛЯ!»

Конечно, я готов признать, что дельфины очень умные существа, готов даже согласиться с тем, что они братья наши старшие, имеют право на жизнь и получение отдельной квартиры от государства. Что их надо любить... Но не до такой же степени!

В Хайфе есть дельфиний бассейн, и в нем, не знаю уж от чего — у дельфинов болячек, что у человека! — афилина по имени Голиаф отдала Богу душу. Почила в бозе.

Боже мой, Боже праведный, что тут началось! Защитники дельфинов из различных обществ как будто только и ждали смерти своего ближайшего друга Голиафа. И все как один, единым фронтом, выступили на защиту дельфинов Израиля, томящихся в застенках ШАБАКА! То бишь, дико извиняюсь, в застенках дельфинария!

Но их, местных боевых единиц, было явно недостаточно, чтобы бороться с теми, кто самым бессовестным образом наживается на бедных животных, на умных животных, почти без пяти минут людях, которые если не сегодня, то завтра уж точно заговорят на языке своих младших братьев, и языком дельфинов станет древнейший язык... Догадались, какой?! Правильно, иврит! И из Америки, самой Америки, для поддержки дельфинных обществ «Тну ле-хайот лихьёт», что переводится как «Дайте животным возможность жить», и «Нах» — «Покой» прибыл самый известный в дельфинных и капиталистических кругах борец за свободу дельфинов — по всей видимости, избранный единогласно афалинами на своем подводном собрании! Прибыл О'Бари.

О'Бари весь свой праведный гнев излил на известного — сплошные известные, о которых мы даже не слышали! — деятеля шоу-бизнеса Хаима Слуцки.

Что такого сделал этот Хаим? А ничего особенного — любой простой израильтянин поступил бы на его месте так же! Хаим Слуцки вложил несколько миллионов долларов в создание уникального дельфинария в Тель-Авиве. А дельфинов с дрессировщиками привез с Черного моря.

Один из дрессировщиков, дополнивший эту историю, просил не называть его фамилию — может выясниться, что он вовсе не еврей, а чистокровный украинец, живущий по тем документам, которые купил в Одессе. Но вернемся к нашим дельфинам.

О'Бари прибыл для поддержки своего коллеги из добровольного общества защиты животных — Бени Шлезингера. Известный уже нам Слуцки обидел Беню, сказав — за точность слов ответственности не несу, а за смысл ручаюсь, — что видел Беню в гробу со всеми его коллегами и в белых тапочках!

Не выдержав подобных оскорблений, пылкий Беня в отместку разбил палатку у входа в тель-авивский луна-парк и объявил голо-

довку.

Лично у меня выпад Бени вызвал странные ассоциации: в свое время депутат крымского парламента Юрий Мешков тоже разбил палатку у входа в парламент и тоже вознамерился голодать. В результате Мешков-таки стал первым президентом Республики Крым. Первым и — последним. Сковырнули его крымские парламентарии при почти полном согласии народа, которому в случае своего избрания Юрий многое обещал...

Мало ли что кому обещают до!

И если завтра вместо Биби — он тоже много чего обещал — к власти придет Беня (а израильские дельфины и им сочувствующие Бенину кандидатуру поддержат обязательно), я не удивлюсь.

Так вот, чтобы Шлезингер не голодал в гордом одиночестве, к нему присоединился — правильно! — О'Бари.

Но у О'Бари оказалась кишка тонка, он проголодал только несколько дней и был отправлен в больницу с сильным истощением.

О'Бари — вот что значит известный человек! — голодал всего ничего, а шуму наделал на весь Израиль. И муниципалитет Тель-Авива, и министерство сельского хозяйства (как будто дельфины не пахари моря, а пахари земли), и все общества защиты животных дружно заскандировали: «Позор Хаиму Слуцки! Свободу Максу, Бубе и Федре!» (для тех, кто не знает, поясню: так зовут коренных обитателей дельфинария).

Попутно замечу: в Израиле защищают всех животных — плавающих, летающих, живущих на земле. Вот бы эту энергию да на защиту хомо сапиенса!

Когда вы заходите в магазин, то там непременно имеется большущий отдел кормов для собак, кошек и прочей твари. Продавец огромного специализированного магазина в Хайфе, исконный израильтянин (но худо-бедно шпрехающий по-русски), поинтересовался у меня, откуда я приехал. И, узнавши, пошутил:

— Если бы все тамошние коты-собаки прослышали о моих продуктах, то немедленно сделали бы себе обрезание и прибыли на ПМЖ в Израиль.

Юморист! Но вернемся к нашим баранам, то бишь к дельфинам.

В защиту дельфинов, томящихся в неволе, прошли митинги. На одном из них выступал широко известный в узких кругах Дан Альмагор. И заявил буквально следующее: «Во всех развитых странах прекращена эксплуатация дельфинов с целью развлечения...»

Ах, Дан, Дан, хотя у тебя и еврейский нос, но дальше Израиля он не вытягивается. Я не стану говорить обо всех краях, где дель-

финов используют как раз за ради развлечения, но о Крыме скажу. Приезжай, Дан, в Севастополь, и ты увидишь, как полуголодные дельфины прямо в центре города, в специально отведенном месте, крутят свои бесконечные саломортале, выкачивая гривны из карманов народонаселения. И вправду, Дан, посети Севастополь! Да не забудь прихватить с собой пару-тройку тонн продуктов в качестве гуманитарной помощи голодающим

дельфинам Черноморья, прямым родственникам Макса, Бубы и Федрь!..

Есть очень странные защитники животных. Один из них закрыл грудью вход в пещеру, когда мы, группа туристов, пытались проникнуть внутрь. Крупный малый, растаурированный снизу доверху, зычно прокричал:

— Куды прете, лярвы?! (На деле он выразился еще более грубо).

На минуту забыл я, что я все-таки писатель и даже интеллигентный:

— А ну, отзынь на три лаптя в сторону!

— Да вы русские! — расплылся в улыбке Сема Шлаен (это потом мы с ним познакомились поближе). — Что ж ты сразу не сказал? А те фраера, что с тобой приканали, тоже русские?

Сема, улыбаясь во все тридцать два излеченных зуба («мне за мой оскал вывернули из кармана четыре тысячи шакалов») и, открывая баночное пиво, рассказал о своей жизни.

Родом он был из Джанкоя, только в городе его мало знали, ибо Семен, как он сам выразился, «сверял жизнь по Ильичу» — то есть провел значительную часть жизни по тюрьмам-лагерям. И иврит, точнее, половину языка иврит, выучил там же. Сема доказал мне, что вся феня, то есть блатной жаргон, и есть чистый иврит. А остальную половину иврита он уже добыл здесь. И, если вновь попользоваться Семиными словами, «этот пивак Израиль приобрел для себя одного из лучших представителей развитого социалистического общества».

— Сема, а почему ты нас не пускаешь в пещеру?

— А ты знаешь доктора Беню Шальмона?

Никакого Беню я не знал. Тогда Сема с присущими ему вежливостью и изысканностью поведал, что доктор Шальмон — глава Центра информации о млекопитающих при израильском обществе охраны природы и большой специалист по летучим мышам. И что в этой пещере, в которую мы по нахалке хотели проникнуть, как раз и живут летучие мыши.

— Сема, но мы же приехали на экскурсионном автобусе именно в гости к твоим мышам!

— Проведу с вами инструкцию и... пожал-

те стричься-бриться-умываться! То есть тогда прошу настоятельно в пещеру!

Сема — сама изысканность и бездна вкуса.

И Сема Шлаен, достойный ученик Бени Шальмона — между прочим, за это шекели платят, и неплохие! — прочел великолепную лекцию о летучих мышах. И я вместе со всеми прослушал то, что Сема скромно назвал лекцией. Оказалось, что эти зверюшки с симпатичными мордочками — о вкусах не спорят! — очень даже полезные твари. Без них в Израиле не росли бы многие растения — ни манго, ни гуайява, ни мушмула японская. А абрикосы с персиками захирели бы, если б не летучие мыши.

Даже израильские ученые, которые мнят себя самыми умными, долгие годы считали летучих мышей разносчиками всяческой заразы и истребляли этих крох, как класс. Газами травили несчастных! А пришел Бенцион Шальмон и сказал тем ученым... Нет, эту брань заборную я повторять не стану...

Слушать Семена Шлаена очень даже интересно, но я все же его пламенные речи передаю в строгой обработке. Сема иногда забывал, что перед ним «русские», которые понимают малейшие нюансы его словотворчества.

— Человек, как сказал один основоположник, это звучит гордо. Но если б он был знаком с летучей мышью, он бы пересмотрел свое мнение на корню, и эти слова относились бы к мышам. А все потому, что строение нашего мозга и глаз точь-в-точь как у нее. В Израиле тридцать два вида летучих мышей, и почти все они насекомоядные. Вес самой крупной — сто граммов, самой малой — два с полтиной грамма. Крохотульки-красавицы!

Сема мечтательно закатил свои босяцкие глаза, слегка подернутые алкогольным туманом, и выдал тираду:

— Шо касается моей личной персоны, то я согласен стать летучим мышем мужского пола. Мыши, как известно, живут коммунально... — Сема внимательно и бесовски глянул на самую молодую часть нашей тургруппы: — То есть гаремами. Мыша-самец первым влетает в пещеру, отхватывает приличный кусок территории, а потом приглашает дам, то есть самок. Для самого что ни есть совместного проживания...

В пещеру мы входили чуть не на цыпочках, боясь потревожить сонмище летучих мышей.

А когда прощались с Семой Шлаеном, когда он, прослезившись, пожимал руку каждому «земеле»... Честное слово, расставаться с ним не хотелось.

Меня он отозвал в сторону и тихонько зашептал на ухо:

— Ты, писатель, грамоту, наверное, знаешь. Посмотри, нет ли тут ошибок?

И Сема Шлаен, проживший в СССР жизнь по Ильичу, познавший холод Колымы и жару Израиля, показал мне кусок картона, на котором печатными буквами было выведено: «Руки прочь от летучих мышей!»

— Правильно, Сема! Во всех смыслах правильно! Но я бы добавил: «...и от человека!»

Все-таки удивительная страна — Израиль! Ша-ма-шед-шая страна!

Ирина Дружаева
г. Городец

Член «Товарищества детских
и юношеских писателей России»

Кто виноват?

Днем гуляли без забот
И дремали у ворот:
Рыжих кошек две,
три серых,
Три котёнка ярко-белых
И от носа до хвоста
Чисто чёрных
три кота.
Ночью под моим окошком
Подрались две серых кошки.
Прибежал к ним на подмогу
Серый кот через дорогу.
Принялись им подвывать
Серых кошек сразу пять.
Я всю ночь смотрел в окно
Чёрно-белое кино.
Кто же спать мне не давал?
Дрался кто, кто завывал?
И к кому принять мне «меры»?
В темноте все кошки — серы!

«Ассорти» детское

«Сказочный» результат

Внучке сказки все подряд
Я читал.
Теперь — не рад!
Сделать я хотел салат.
Лук увидела Полина —
В рёв: « Не режьте
Чиполлино!»

Ручеёк

В тень деревьев завернулся
И молчал
Ручеёк. Дремал, тянулся
И скучал.
Но, на камушки наткнулся —
Заворчал.
И запрыгал, и проснулся —
Зажурчал!

Загадка

За столом сидели детки.
Дали всем по две конфетки.
Только Вова-забияка
Три конфеты слопал, бяка!
Отобрал одну конфету
Он у Зайкиной у Светы...
Сколько было в доме деток,
Если было шесть конфеток?

Радость

Я сегодня веселился
И по комнатам носился!
Наступил на хвост котёнку,
Дёрнул за косу сестрёнку,
Уронил у папы книжку,
Маме в суп подкинул шишку,
Кнопку подложил в качалку
(Деда мне, конечно, жалко...),
Спутал бабушке вязанье...
Все твердят: « Ты - наказанье!»
Почему же, не пойму,
Я не нравлюсь никому?

Я же просто веселился,
Что на даче поселился.
Я же всех вас так люблю...
Я ж от радости шалю!

Трудный выбор...

Я решил - пора жениться.
Только думаю - на ком?
Тут конфета пригодится,
Взял из вазы вечерком.
На Маринке не женюсь -
Таксы я её боюсь.
У Алины нету таксы,
Но она - такая плакса!
Подарить конфету Нюше?
Но она такая вруша!
У Наташки вредный брат -
Он колотит всех подряд.
Светка с Танькою - болтушки.
Ленка не даёт игрушки.
Подарить конфету Маше?
Но она плюётся кашей!
Ирка дразнится всегда.
Не женюсь я никогда!
Детский сад весь обошёл,
А невесты не нашёл.
Не женюсь я ни на ком!
Сам конфету съем тайком.

Солнышко

Голова, два ушка.
Рыжая макушка.
На щеках веснушек -
Как в лесу волнушек!
Улыбаются друзья -
До чего же рыжий я.
Я насмешек не боюсь -
Громче всех я сам смеюсь!
Чем же рыжий не хорош?
Я ж на Солнышко похож!

Колодезный Журавль

Старый Колодец стоял на краю зелёной деревенской улочки. Был он таким глубоким, что даже днём в чистом ледяном зеркале воды отражались звёздные искры.

А рядом, стоя на высокой деревянной ноге, покачивал длинной бревенчатой шеей колодезный Журавль.

Они всегда были неразлучны — Журавль и Колодец.

Журавль то и дело кланялся Колодцу.

А потом взлетал, словно птица, доставая из студёной глубины полное ведро чистой водицы для жителей деревушки.

И вновь гордо застывал на ветру, роняя вниз прозрачные, сверкающие, как бриллианты, капли...

Старый Колодец тихонько напевал нежную мелодию падающих с мокрых брёвен капель, слегка поскрипывал, покашливал и благодарно глядел из глубины на своего высокого друга.

Но, однажды по весне, Журавль увидел над собой летящих клином прекрасных больших птиц и услышал, как люди приветствуют их, называя журавлями...

«Как хороши эти птицы, как они свободны... А я... Я ведь тоже — журавль...» - подумал деревянный Журавль. И... затосковал.

Его перестало радовать соседство Колодца. Он теперь неохотно, со скрипом опускался в темную глубину свою гордую шею, не удивлялся более звёздам, сверкающим в оке Колодца даже ясным днём. Его раздражали теперь и вечное покашливание, и тихая мелодия капель, доносившаяся из самого сердца друга...

Журавль, как мог, раскачивался на ветру, словно пытаясь взлететь. А тёмными ночами ему снились летящие серые птицы. И в своих мечтах он улетал с ними в неведомые далёкие края...

А Колодец чувствовал тоску и холод, исходящие от дружелюбного и весёлого прежде Журавля. Он искал причину охлаждения к нему друга в себе.

«Что я сделал не так, чем обидел Журавушку?» - спрашивал себя Колодец.

Не найдя ответа, он загрустил, помутнел.

И... заболел от тоски. Хрустально-чистая прежде водица в его глубине стала мутной, бревенчатые стены сруба покрылись скользкой тиной. Колодец чихал, охал и простуженно хрипел.

Люди, так любившие прежде старый колодец за вкусную, чистейшую воду, доставая из его глубины мутную тинистую жижу, огорчались, вздыхали и шли за водой к далёкому Родничку.

Журавль очнулся от своих снов и мечтаний лишь тогда, когда его совсем перестали тревожить люди.

Он встрепенулся, заглянул в тёмный Колодец и удивился. Он не увидел там сверкающих звёзд. Око друга заволокла сизая тина. Колодец стал слеп и болен.

Он погибал от тоски...

«Что же я наделал! Колодчик, миленький, очнись! - проскрипел встревоженный Журавль. - Я совсем одинок и никому не нужен без тебя. Я понял это лишь сейчас».

Колодец слышал мольбы друга, пытался разогнать тину с единственного глаза, ответить что-нибудь ласковое в ответ, но — не мог. Он совсем ослаб от болезни.

На помощь ему пришли люди. Устав ходить за водой на далёкий Родник, они всей деревней взялись за «лечение» старого Колодца.

Возле него запели весело пилы, застучали топоры. Из тёмных глубин вычерпали всю мутную воду, очистили песчаное дно и смешили замшелые бока.

Заодно обновили и подлечили и колодезного Журавля. Он теперь не скрипел громко и печально, кланяясь колодцу, а скорее напевал мелодично, поблёскивая новым сверкающим ведром.

Обновлённый Колодец опять наполнился чудесной целебной водой.

А в его радостном оке вновь засверкали звёздные искры.

Он не держал обиды на друга, а радовался от души новой встрече и каждому новому дню, проведённому рядом.

А колодезный Журавль не хотел больше в дальние края. Чуть не потеряв единственного друга, он совсем иначе смотрел теперь на всё вокруг: на уютную деревеньку, утопающую в зелени, на голубое небо и плывущие по нему пушистые облака.

И, конечно, он без конца смотрелся в зеркальную глубину Колодца, слушал тихую мелодию капель, черпал оттуда ведро за ведром студёную воду, рассыпая весёлые хрустальные брызги.

Журавль понял, что это и есть счастье: когда ты — на своём месте и рядом есть друг, и у друга — всё в порядке!

Ирина Дружаева

Поэт

Татьяна Вьюжная
г. Костомукша

Король на троне

Сидел король на троне
В бриллиантовой короне,
Любил приказы лихо
Вассалам раздавать.
Направо и налево
Дарил улыбки смело,
Зубами скрежетал же,
Когда ложился спать.

Сидел он, утопая
И с высоты взирая,
На маленьких людишек,
На будней суету...
И спорилась работа!
(Кому ж навлечь охота
Опалу господина?)
Трудились на лету.

Однажды утром ранним
Поток ворвался прямо
В покои властелина,
Закрыв к спасенью путь.
И трон зашевелился,
Вдруг резко накренился —
Король слетел на диво
Так быстро в воды муть.

История банальна,
Но очень актуальна:
Чем рьяней рвёшься к трону,
Тем тяжелей корона.

С НЕ и без

НЕ отречься, НЕ забыть,
НЕ увидеть, НЕ любить,
НЕ узнать и НЕ страдать,
НЕнавидеть, презирать,
НЕ мечтать и НЕ прощать,
Ничего НЕ обещать,
НЕ тревожить, НЕ уснуть,
НЕ завидовать ничуть.
НЕ обманывать себя,
НЕ злословить НЕ любя.
НЕ дерзить и НЕ шадить.
С НЕ и без нам НЕ прожить!

Два оконца

Два оконца — рябиновых солнца —
Полыхают украдкой в ночи.
Два оконца — бездонных колодца —
Разметали огни-лучи.

Два оконца — сиреневый омут —
Затянули, заволокли.
Два оконца — безбрежное море —
Засветились и скрылись вдали.

Два оконца пугливую птицей
Упорхнули в небесную высь.
Два оконца... Да где же укрыться
Мне от глаз этих, как спастись?